

Религиоведение. 2025. № 3. С. 125–140.
Religiovedenie [Study of Religion]. 2025. No. 3. P. 125–140.

DOI: 10.22250/2072-8662-2025-3-125-140

Ноянзина О.Е.¹, Максимова С.Г.²,
Омельченко Д.А.³

^{1, 2, 3} ФГОУ ВО «Российский биотехнологический университет»

^{1, 2, 3} 125080, Россия, г. Москва, Волоколамское ш., 11

¹ noe@list.ru; ² svet-maximova@yandex.ru; ³ daria.omelchenko@mail.ru

Религиозность в преломлении субъективных оценок и интерпретаций населения российско-монгольского приграничья

Аннотация. В представленной статье рассматривается религиозность населения приграничных регионов России и Монголии, акцентируется внимание на межкультурных и межконфессиональных взаимодействиях, которые определяются как современным геополитическим курсом России на Восток, так и историческими факторами. Авторы подчёркивают, что динамичные этноконфессиональные отношения на данных территориях требуют более глубокого научного анализа, чтобы оценить, как население воспринимает свою религиозность не только в контексте принадлежности к определённым конфессиям, но и через призму личных ощущений и самоидентификации. Существующие модели оценки религиозности, включая методику CRS-20, показывают сложность и многогранность этой категории. Результаты проведённого социологического исследования свидетельствуют о том, что часть представителей населения идентифицирует себя как высокорелигиозные, хотя на практике уровень вовлечённости в религиозные практики может быть значительно ниже. Этот парадокс указывает на наличие феномена «веры без принадлежности», где индивиды могут ощущать себя религиозными, не следуя строгим канонам и ритуалам своей конфессии. Авторы также поднимают вопросы критериев и индикаторов религиозности, предлагая выделять их по различным компонентам: идеологическому, личному, публичному и другим, акцентируя внимание на их соотношении и значимости для индивидов. Выявлено, что представители различных конфессий (православие, буддизм, бурханизм и шаманизм) демонстрируют различные уровни религиозности и понимания своей веры, что отражает присутствие уникальной этноконфессиональной мозаики в приграничной зоне. В заключение подчёркивается, что для полного понимания религиозной динамики в этих регионах необходимо проводить сопоставление с аналогичными процессами в приграничной зоне Монголии. Статья предлагает концептуальную рамку для изучения взаимодействия религиозных идентификаций и личных религиозных переживаний, что, в свою очередь, обогащает как социологические, так и религиоведческие дискуссии.

Ключевые слова: религиозность, шкала центральности религиозности, индекс, самооценка, уровень религиозности, приграничье, CRS-20

О.Е. Ноянзина

С.Г. Максимова

Д.А. Омельченко

Oksana E. Noyanzina¹, Svetlana G. Maximova², Daria O. Omelchenko³

^{1, 2, 3} Federal State Educational Institution of Higher Education “Russian Biotechnological University”

^{1, 2, 3} 11 Volokolamskoye highway, Moscow, 105066, Russia

¹ noe@list.ru; ² svet-maximova@yandex.ru; ³ daria.omelchenko@mail.ru

Religiosity in the Refraction of Subjective Evaluations and Interpretations of the Population of the Russian-Mongolian Borderlands

Abstract. The presented article examines the religious identity of the population in the border regions of Russia and Mongolia, focusing on intercultural and interfaith interactions. These interactions are determined by both Russia's geopolitical course towards the East and historical factors. The authors emphasize the importance of a deeper scientific analysis of dynamic ethno-confessional relations in order to understand how the population perceives its religiosity. This includes not only belonging to certain faiths but also personal

feelings and self-identification. Existing models for assessing religiosity, such as the Centrality Religiosity Scale, show the complexity of this category. Sociological research indicates that some people identify themselves as highly religious but their actual level of involvement in religious practices may be lower. This paradox indicates the existence of the phenomenon of “faith without belonging”, where individuals can feel religious without following the strict canons and rituals of their denomination. The authors also raise issues of criteria and indicators of religiosity, suggesting that they should be distinguished by various components: ideological, personal, public, and others, focusing on their correlation and significance for individuals. It has been revealed that representatives of different faiths (Orthodoxy, Buddhism, Burkhanism, and Shamanism) show different levels of religiousness and understanding of their beliefs, reflecting the presence of a unique ethnic-religious mosaic in the area. In conclusion, it is emphasized that to fully understand religious dynamics in these areas, it is essential to compare them to similar processes in Mongolia. The article offers a conceptual framework for studying the interaction between religious identities and personal religious experiences, which in turn enriches both sociological and religious study discourses.

Key words: religiosity, Centrality Religiosity Scale, index, self-evaluation, level of religiosity, borderland, CRS-20

Введение

Приграничные регионы России и Монголии являются территорией интенсивных межнациональных контактов, в том числе в религиозной сфере, что накладывает отпечаток на формирование религиозной идентичности населения, наряду с актуальной этноконфессиональной ситуацией и историческими особенностями расселения и взаимодействия народов с присущими им религиозными традициями. Эти контакты становятся более важными по мере реализации российским государством «поворота на Восток» и ориентации на установление более тесного сотрудничества с азиатскими странами, в особенности – с расположенными вблизи государственных границ и непосредственно затрагивающими интересы России в области обеспечения национальной безопасности и гуманитарного сотрудничества. Современное российско-монгольское приграничье является особым социокультурным пространством с длительной историей межконфессиональных отношений и сложными, взаимовлияющими религиозными ландшафтами. Сказанное обуславливает актуальность пополнения научной информации о социокультурном пространстве этой территории, в частности – пространства религиозности населения.

Вопрос оценки религиозности населения, несмотря на кажущуюся прозрачность и разработанность концепта, в отечественной и зарубежной науке носит дискуссионный характер [Грудина, 2022, 186–210], а эволюция методологических подходов и принципов к оценке с учётом динамики социальной реальности имеет длительную историю. Осуществляется ревизия носителей и проводников религиозности, выделяются характеристики демографического, политического, психологического и социального порядка [Lenski, 1961; Богачёв, 2016; Борисова, Павлюткин, 2019; Дивисенко, Дивисенко, 2017], поиск измерения составляющих религиозности, их эмпирической интерпретации, а также интегральной стратегии измерения религиозности [Бреская, 2011; Хлопкова, 2020]. Очевидна продолжающаяся эволюция методик прикладных исследований религиозности, их отчуждение от «традиционной» концентрации на оценке принадлежности к религии [Bullard, 2016; Davie, 2006; Voas, Day, 2010]. При этом можно говорить о принципиальной одномерности или же многомерности [Glock, 1962; Фолкнер и Де Йонг, 2011; Hill, Hood, 1999; King, Hunt, 1972] используемых наукой подходов к оценке религиозности. Даже при кажущейся одномерности оценки (например, опоре на ключевой индикатор отношения к религии «в целом», «вообще») современные исследователи религии при анализе используют совокупность индивидуальных характеристик индивидов [Мчедлов, 2005; Синелина, 2011; Пруцкова, 2015; Орешина 2014, 2016; Подлесная, 2014; Подлесная, Мельникова, 2015; Holt, Clark, Wang et al. 2014; Joshanloo, Daemi, 2015]. Вместе с тем необходимо отметить, что при определении критериев религиозности важно разделять её конфессиональное и светское понимание (где в первом случае на первый план выходят сакральные, а во-втором – эмпирические индикаторы), проводить оценку религиозных позиций относительно близости индивида к сакральному, выявить референтные позиций (источники и объекты религиозных чувств или, по М. Веберу, «религиозные виртуозы» как те субъекты, которые официаль-

но «объявляют» высшую волю), оценку религиозных традиций, профанных характеристик религиозности [Гришаева, 2018; Лебедев, 2020].

Многочисленны не только подходы к определению методологии исследования и оценки религиозности, но и подходы к её типологизации и агрегации социологических методик анализа. Такие попытки, а также основания для типологизации представлены в работах как классиков социологии (Э. Гидденса, Г. Гегеля, Н. Лумана, Э. Дюркгейма, М. Вебера и других), так и современных отечественных авторов (Е. Гришаева, С. Лебедев, Ю. Синелина). С. Лебедев [Лебедев, 2020], исходя из того, что условной «моделью» верующего для социолога является традиционный, включённый в жизнь религиозной общины индивид, предлагает в социологическом исследовании опираться на один из трёх подходов, названных им «классическим», «неклассическим» и «постклассическим», относительно которых проводится идентификация религиозности населения.

Первый подход вполне справедлив при условии неразделимости религиозного верования и оценки относительно «регулярности» религиозного верования, то есть отправления культовых действий в соответствии с религиозным сознанием и формализованными религиозными нормами. В отношении оценки принадлежности к новым религиозным течениям и культам, таким как виртуальные, заместительные, квази-религии и нетрадиционный уклад жизни в целом [Каргина, 2014] позиции неклассического и постклассического подходов, предложенные С. Лебедевым, имеют большой потенциал в условиях непрерывно и нелинейно изменяющейся, модернизирующейся социальной реальности [Фолкнер, Де Йонг, 2011; Хубер, Хубер, 2018]. По сути, оценки, проводимые в рамках всех трёх подходов, варьируются относительно того, насколько жёсткой (или каноничной) является картина традиционного верующего. В этом случае на первый план выходят вопросы самоидентификации границ воцерквлённости [Чеснокова, 2005; Мчедлов, 2005], однако принципиальным моментом измерения религиозности является определение её критериев, показателей и индикаторов, позволяющих выделять группы населения по уровню (выраженности, характеру и т.п.) религиозности. В рамках разных подходов используются как объективные, так и субъективные, внутренние и внешние (например, благочестие и религиозное участие, индивидуальные характеристики и параметры социальной среды), статичные и динамичные признаки религиозности, описывающие содержание и уровень религиозного сознания, а также религиозное поведение индивидов. Субъективность показателей религиозности обусловлена тем, что их описание основано на субъективных данных – результатах самооценки индивидами, – психологично по своей природе, и, возможно, противоречит реальному мировоззрению индивида (как, например, в случае общества с доминантной общественной ценностью атеизма).

В научном смысле исследование религиозности требует не только формирования позиции в отношении выбора метода оценки, поиска её оптимальной модели, но и высокой степени продуманности описаний и используемых трактовок и суждений. Несмотря на то, что наше исследование не носит религиоведческого характера, а придерживается методологии социальных исследований, обратимся к используемым нами конструкциям. Во-первых, следует ещё раз подчеркнуть, что единого подхода к объяснению сути религии нет, как минимум, существуют светский и религиозный подходы к её осмыслению. Однако это не препятствует выделению важных для её исследования характеристик. Так, религия описывает состояние массового сознания, состоящего из представлений о сакральном, психических переживаний в связи с актами религиозной веры, а также единение в целях отправления культа, прикосновения к священному. Некоторые авторы [Смирнов, 2015] говорят о том, что религия всегда проявляется в форме вероисповедания.

Если говорить о трактовках религии, которые предлагают классические теистические системы, то религия всегда предполагает связь с Богом, идею о вторичности человека и окружающего его мира вообще по отношению к Богу (Творцу, Всевышнему и т.д.), в этом смысле Бог выступает в качестве идеала, первоначала, Абсолюта и т.д. Постичь этот идеал, как правило, невозможно, однако духовные практики (вера) приобщают к нему, а отхождение от идеала формирует вину. Таким

образом, вера и есть основной смысл религиозного культа. Несмотря на то, что в научном понимании религия описывает целый спектр явлений и процессов, в совокупности все они опираются на понятие веры (в Абсолют, в Бога, сверхъестественное и т.п.), наличие потустороннего и посюстороннего.

Социокультурные общности порождают духовные системы, претендующие на единственно верное толкование сущего, эти духовные системы имеют самоназвания и маркируются как религии. Набор компонентов религии вариативен и в совокупности характеризует уровень развитости той или иной духовной системы: религиозное сознание, субъект веры, стремление ощутить связь с божественным (первоначалом) и т.д. Религиозная вера описывается терминами психологического порядка, поскольку отражает прежде всего эмоциональное состояние, мало связанное с критическим осмыслением, некую психическую «напряжённость» в ожидании прикосновения к сверхъестественному, сакральному. При этом следует различать веру и верования, поскольку последние, скорее, характеризуют неразвитость религиозного сознания и касаются религиозных (возможно, магических) представлений, не противоречащих религиозному учению. Для социолога наличие верований является маркером предрасположенности индивида к религиозной сфере и соответствующему мировоззренческому выбору [Hood, Hill, Spilka, 2009]. Вследствие этого в зарубежных эмпирических исследованиях, связанных с измерением религиозности, таких как European Values Study; International Social Survey Program; European Social Survey, наряду с оценкой её уровня рассматривается конфессиональная принадлежность (или непринадлежность) индивида [Zinnbauer, Pargament, 2005]. Такая организация исследования позволяет проводить дополнительные сопоставления и уточнять данные по уровню религиозности населения, получить дополнительные выводы (например, для описания категории «веры без принадлежности» или «конфессиональной принадлежности без веры» и тому подобных).

Целью данной статьи является сравнительный анализ выраженности религиозности представителей разных религий территории российской-монгольского приграничья, при этом выраженность религиозности оценивается с позиций, с одной стороны, самооценок населения, а с другой, с позиций применения прошедшей международную апробацию комплексной методики CRS-20. Религиозные отношения и проявления религиозности имеют ярко выраженную пространственно-территориальную ориентацию и находят отражение в религиозных артефактах, памятниках и объектах культуры, окружающих повседневную жизнь людей, проживающих в этих социальных пространствах. Вследствие этого полученные результаты нацелены на решение задачи обобщения и дальнейшей концептуализации на основе новых знаний разнонаправленных процессов в области формирования религиозности, религиозной и этнической идентичностей различных социокультурных групп в условиях кросс-культурных и транснациональных контактов в приграничных территориях.

Методы и материалы исследования

Материалами для подготовки статьи являются данные социологического исследования, проведённого в 2024 году в трёх регионах Российской Федерации – Алтайском крае (n = 519, 61,4% женщин и 38,6% мужчин), Республике Алтай (n = 462, 59,1% женщин и 40,9% мужчин), Республике Тыва (n = 361, 75,6% женщин и 24,4% мужчин). Отбор регионов определялся, помимо параметров отнесения к географии российско-монгольского приграничья, спецификой социокультурных особенностей, отражающих религиозную композицию приграничного пространства, а также особенностями этнодемографического состава населения. Первичная эмпирическая информация собиралась на основе квотной выборки посредством метода онлайн-опроса в сочетании с индивидуальными интервью на основе структурированной анкеты. Репрезентативность данных обеспечивалась контролем квот, а также диверсификацией способов рекрутинга респондентов (персональные рассылки по электронной почте и социальным сетям, размещение информации на публичных виртуальных площадках и в официальных источниках). К участию привлечены жители в возрасте от 18 до 75 лет.

Для определения уровня религиозности населения использована методика «Шкала центральности религиозности» (далее – CRS-20, индекс религиозности),

обоснованная и апробированная на примере 25 стран с участием более чем 100 000 респондентов (включая представителей России) профессором эмпирического исследования религии и теории межрелигиозной коммуникации Института эмпирического исследования религии (Университет Берна, Швейцария) Штефаном Хубером и соавторами [Хубер и Хубер, 2018; Huber, et al., 2020]. CRS-20 опирается на многомерную модель, разработанную Ч. Глоком [Glock, 1962; 1973], в том числе в соавторстве с Р. Старком [Glok, Stark, 1968] (оценка публичных и религиозных практик, интеллектуальное, идеологическое, ритуалистическое измерения религиозности населения, а также религиозный опыт), как представляющую собой, с одной стороны, теоретическое обоснование эмпирического набора переменных, а с другой – дающую вполне компактный их набор, охватывающий религиозную жизнь в целом. На основе анализа средних по наборам пяти измерений мы получили возможность, следуя пороговым значениям, предложенным Ш. Хубером, разделить опрошенных на три подвыборки: высокорелигиозных, религиозных и нерелигиозных.

В контексте поставленных задач нам было важно понимать, насколько религиозными считают себя сами опрошенные, вне оценок, полученных по результатам расчёта индекса религиозности. Эта идея справедлива, поскольку, как мы уже писали выше, единого подхода к изучению и оценке религиозности не существует, авторы, как зарубежные, так и отечественные, предлагают лишь подходы к многомерной оценке религиозности, соглашаясь в том, что изучаемое понятие представляет собой целостное образование, которое поддаётся рассмотрению в совокупности (системе, уровнях) измерений: измерения веры (или идеологии, верований, убеждений); ритуального измерения (или практик); когнитивного измерения (или знаний). Вследствие этого значимость приобретают оценки общей религиозности – самооценки, самоидентификации по конфессии (вероисповеданию), изучение верований и религиозных практик.

Самооценки религиозности проводились на основе 10-балльной шкалы (от «0» до «10» баллов при выборе ответа на вопрос: «Независимо от того, являетесь Вы последователем какой-либо религии или нет, скажите, пожалуйста, насколько религиозным человеком Вы себя считаете?»), для обеспечения возможности сопоставления с данными расчёта индекса центральности религиозности, оценки жителей сибирских регионов были распределены в три группы – высокорелигиозные (оценки от 8 до 10 баллов), религиозные (оценки от 3 до 7 баллов) и нерелигиозные (оценки от 0 до 2 баллов). Дополнительно для проведения сравнений все опрошенные были разделены на две подвыборки: верующие и неверующие. В первую группу вошли жители, на вопрос: «Считаете ли Вы себя верующим человеком? И если да, то к какому вероисповеданию (конфессии) Вы себя относите?» ответившие «Не считаю себя верующим человеком», во вторую группу – вошли все те, кто определился с конфессиональной принадлежностью или указал на то, что он тяготеет к сфере божественного.

Религиозность верующего и неверующего населения

Обратившись к результатам исследования, мы видим, что духовность, стремление к сакральному может осознаваться в формах, не отражённых в духовных практиках, размышлениях о сакральном и профанности окружающего мира и иных, включённых в измерение религиозности, осях. Так, в группе высокорелигиозных (согласно самооценкам) оказались 13% неверующих и 43,7% верующих, тогда как по значениям индекса религиозности только 5,7% участников исследования можно отнести к высокорелигиозным людям. Видимо, сакральное воспринимается жителями приграничья как глубоко лично значимое. Так, и в группу религиозного населения вошли 16% неверующих (согласно величине индекса центральности религиозности) и 13% неверующих (согласно самооценкам). Вместе с этим в группе нерелигиозных оказались 17,2% и 33,2% верующих (индекс и самооценки) (илл. 1).

Сказанное выше приводит нас к постановке вопроса о критериях духовности индивидов, о соотношении конфессиональной принадлежности и стремления к божественному, сверхъестественному. Можно сделать вывод о распространённости в современном обществе расплывчатых форм религии, феноменов как веры без принадлежности, замены традиционных религиозных воззрений тяготением к

Илл. 1. Сопоставление самооценок респондентов и индекса религиозности в зависимости от самоидентификации веры населения, %.

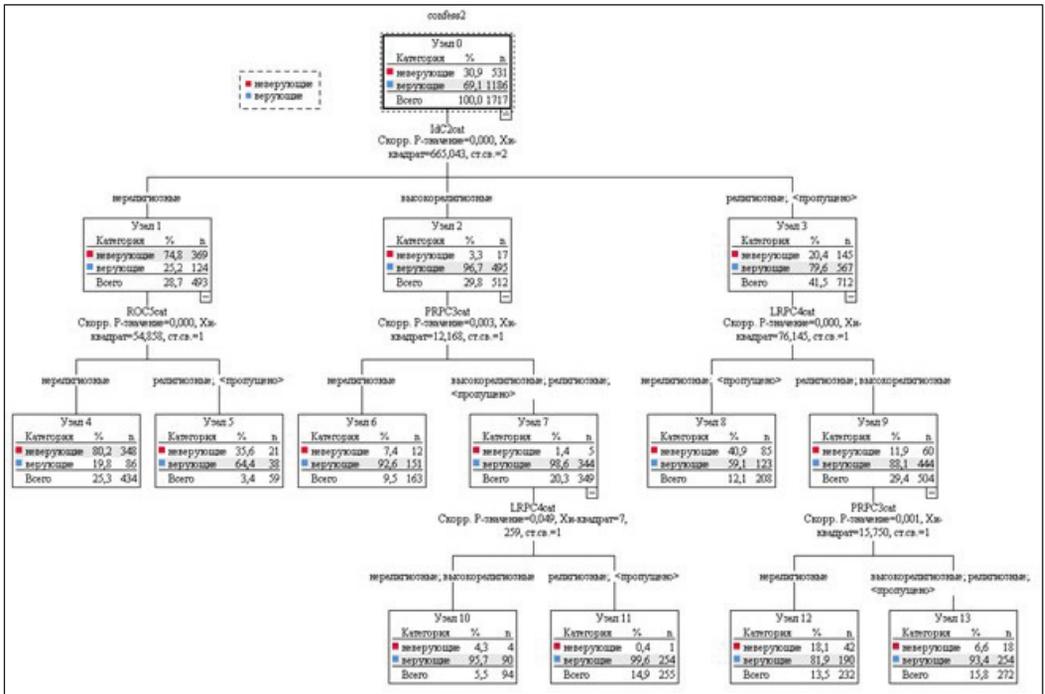
мистицизму, так и принадлежности к вере (церкви) без подлинного приобщения к духовности, канонам религиозной морали и нравственности, поверхностности веры при хорошем знании религиозных догматов и поверхностно-ритуальном исполнении религиозных практик.

С целью поиска ответа на этот вопрос на основе применения метода Decision Tree (классификация и регрессия) мы построили дерево предсказаний для отнесения жителей приграничных регионов к группе верующих или неверующих на основе выраженности отдельных компонентов религиозности. Любопытно, что в процессе анализа был исключён интеллектуальный компонент религиозности – информированность населения по вопросам религии и способность к рефлексии о своих взглядах на сакральное, частота этой рефлексии не задают параметры конфессионального самоопределения жителей трёх регионов. Определяющим в данном случае выступает идеологический компонент религиозности – 96,7% высокорелигиозных по данному компоненту являются верующими, 79,6% религиозными, а 74,8% нерелигиозных по этой шкале отнесли себя к неверующим.

Для тех респондентов, у которых низкие значения по идеологической шкале религиозности, важным становится переживание религиозного опыта. Если индивид в своей жизни сталкивался с неоспоримыми для него свидетельствами существования потусторонней жизни, божественного вмешательства, испытывал прикосновение к себе высшей силы, направляющей руки или чего-то подобного (то есть религиозен по значениям данного компонента) и мало информирован по вопросам религии, то к религии он придёт в 64,4% случаев. Если же респондент далёк от религиозных, мистических переживаний, то скорее всего (80,2% случаев) он не будет ассоциировать себя с конфессиональными направлениями.

Для жителей, которые высокорелигиозны в идеологическом отношении, конфессиональное самоопределение обуславливается как участием в религиозных службах, соблюдением «ритуальной» составляющей веры и принадлежностью в религиозному сообществу (религиозной группе) (98,6% высокорелигиозных и религиозных по компоненту публичных религиозных практик являются верующими), так и неучастием или редким приобщением к жизни общины и публичной демонстрацией веры (92,6% нерелигиозных по компоненту публичных религиозных практик являются верующими). Следует учитывать, что публичная демонстрация веры и вовлечённость в жизнь церковной общины присущи далеко не каждому конфессиональному направлению, важность имеют скорее личные духовные практики. Казалось бы, в данном случае для религиозного самоопределения верующих определяющую роль должен сыграть именно данный компонент. Вместе с тем его проявления, идентифицируемые через частоту молитвы и медитации, их персональной значимости и стремление прикоснуться к сверхъестественному, не влияют на факт выбора религии: если респондент выраженно демонстративен в религиозных чувствах – он также демонстративен и в религиозном самоопределении, а глубоко личная, непубличная демонстрация веры не имеет ключевого значения: среди верующих 95,7% как высокорелигиозных и нерелигиозных по данной шкале, так и 99,6% религиозных в части личных религиозных практик.

При этом обратим внимание, что те участники исследования, идеологический компонент религиозности которых находится на среднем уровне, при идентификации отношения к вере большее значение придают личным религиозным практикам и стремлениям – 88,1% религиозных и высокорелигиозных по компоненту личных религиозных практик являются верующими и только 59,1% имеют низкие значения по данному компоненту. Если идеологическая составляющая религиозности находится на среднем уровне, а в отношении личных религиозных практик респондент демонстрирует показатели среднего уровня или выше, то определившись в отношении к вере (верующими) чаще становятся те, у кого средне и высоко выражена демонстративная составляющая религии – публичные религиозные практики (93,4% из них являются верующими против 81,9% тех, кто не религиозен с позиций публичной демонстрации веры) (илл. 2).

Илл. 2. Дерево предсказаний для конфессионального самоопределения (верующий / неверующий) респондентов с разным уровнем выраженности компонентов религиозности.

Итак, далеко не все компоненты имеют одинаковую выраженность в структуре религиозности современного населения, однако ключевым становится тот, что отражает «силу веры» респондента в Бога, божества, основные постулаты религии (наличие Высшей силы, жизнь после смерти и т.п.). Сказанное вполне согласуется с различными типологизациями религиозности [Елбакян, 2021], в том числе выделением зрелой (внутренней) и незрелой (внешней) религиозности [Олпорт, 2002], её терминального и инструментального характера [Афанасенко, 2014, 11], состояния поиска или нахождения вне религии [Шмелев, 2012, 49–56, Титов, 2013, 2–9], смены вектора ориентации, отхода от церкви [Лобазова, 2015, 94–96] и т.п.

Религиозность верующих в зеркале религий

В ходе исследования выяснялись конфессиональные предпочтения жителей российско-монгольского приграничья, что позволило нам рассмотреть, насколько религиозными являются последователи тех или иных религиозных воззрений¹. Для дальнейшего анализа сформированы следующие группы: «православные», «бурханизм» (в которую вошли представители «алтайской веры» (белой веры) и приверженцы бурханизма), «буддизм», «шаманизм» и «синкретизм буддизма и шаманизма» (это направления, наиболее широко представленные в Республике Тыва

(фрагментарно – в Республике Алтай), где синкретизм буддизма и шаманизма является уникальной особенностью конфессионального пространства республики), все прочие традиционные (ислам, иудаизм, католицизм) и нетрадиционные (протестанты, христиане веры евангельской, адвентисты седьмого дня, мормоны, сайентологи и т.д.), а также респонденты, не идентифицирующие себя с конкретной религией и церковью были в численном отношении ничтожно малы и включены в общую подгруппу «иные традиционные и нетрадиционные, без принадлежности», в пятую группу вошли респонденты, считающие себя неверующими.

В группе высокорелигиозных, сформированной на основе самооценок участников исследования большинство составили представители буддизма (38,2%), сборной группы последователей иных религий (32,8%), на второй позиции по частоте идентификации себя как высокорелигиозных оказались приверженцы шаманизма (26,5%), на третьей – православные респонденты (20,3%), придерживающиеся синкретичных взглядов (15,6%) и бурханисты (14,3%), любопытно, что в этой группе зафиксированы 12,8% верующих без религиозной принадлежности и 1,3% неверующих.

Доли высокорелигиозных с позиций на основе индекса центральности религиозности существенно меньше – здесь представлены иные верования (16,3%), бурханисты (7,6%), православные и буддисты (более 5%), около 2% сочетающих веру в Будду и шаманизм, и чуть более 1% верующих без принадлежности.

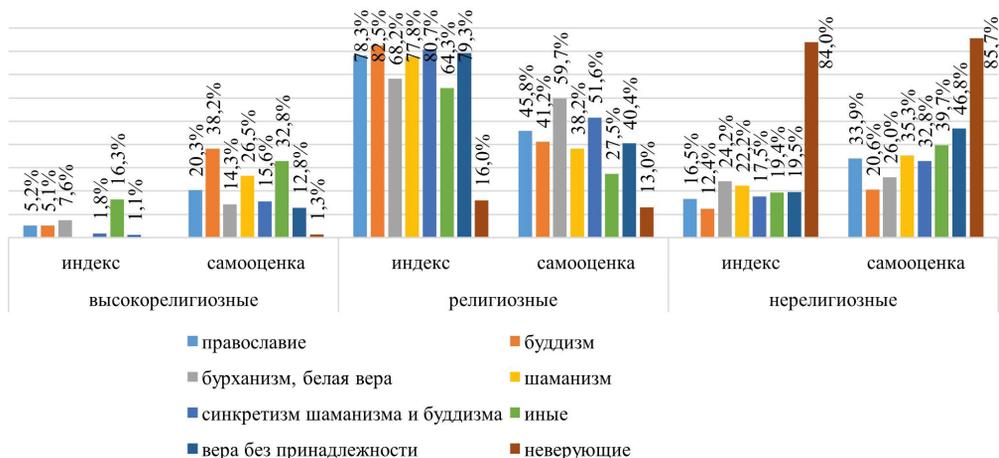
Средние значения религиозности, характеризующие жителей регионов Сибири как умеренно религиозных, чаще всего отметились по итогам расчёта индекса религиозности, и в эту группу практически в равной мере попадали представители всех религиозных направлений – от 64,3% приверженцев иных верований до 80,7% практикующих синкретизм, и лишь в самых редких случаях в группе религиозного населения фиксировалась неверующая часть опрошенных (16%).

В группе религиозных по итогам самооценок получена схожая картина – от 27,5% представителей иных верований до 59,7% исповедующих бурханизм, Белую веру. К группе верующих на «среднем» уровне отнесли себя 45,8% православных, 41,2% буддистов, 38,2% шаманистов, 51,6% синкретистов и 40,4% верующих без принадлежности, а также 13% неверующих. Однако напомним, что самооценки уровня религиозности проводились вне каких-либо рамок, критериев оценки, поэтому сложно сказать, относительно какой точки истовости веры определяли собственные установки участники исследования.

В группе нерелигиозных ожидаемое преобладают неверующие опрошенные, как с позиций индексной оценки (84%), так и самопозиционирования (85,7%). По итогам оценки индекса религиозности нерелигиозными чаще оказываются относящие себя к бурханизму и белой вере (24,2%), шаманисты (22,2%), в равной мере последователи иных верований и верующие без принадлежности (около 20%), синкретисты (17,5%), далее отметим православных (16,5%) и буддистов (12,4%). Однако если мы обратимся к результатам самооценок респондентов, то в группу нерелигиозных (исключая неверующих) чаще попадают верующие без религии (46,8%), иные верующие (39,7%), шаманисты (35,3%), православные (33,9%), синкретисты (32,8%), бурханисты (26%) и, в последнюю очередь, буддисты (20,6%) (илл. 3).

Если считать оценки, полученные на основе шкалы CRS-20, более «объективными», отражающими разные стороны выражения и переживания веры в сверхъестественное, то можно сделать вывод о том, что приверженцы шаманизма в большей степени социально демонстративны и поверхностны в выражении религиозных воззрений, тогда как представители белой веры и православные ближе к принятию и выражению веры, среди них чаще встречаются те, для кого религия занимает центральное место в жизни.

Основываясь на сопоставлении индексных оценок и самооценок религиозности, можно говорить о тенденции к проявлению большей религиозности буддистов и православных верующих и, напротив, меньшей значимости сакрального в жизни шаманистов при сочетании с демонстративностью в атрибуции религиозности. При этом как в жизни привержающихся веры без принадлежности, так и

Илл. 3. Сопоставление оценок религиозности (индекс религиозности и самооценки) в группах с разной религиозной идентификацией, %.

неверующих в той или иной мере присутствуют элементы мистицизма, сверхъестественного, веры в Бога, нельзя говорить о совершенной отчужденности населения от сакрального мира.

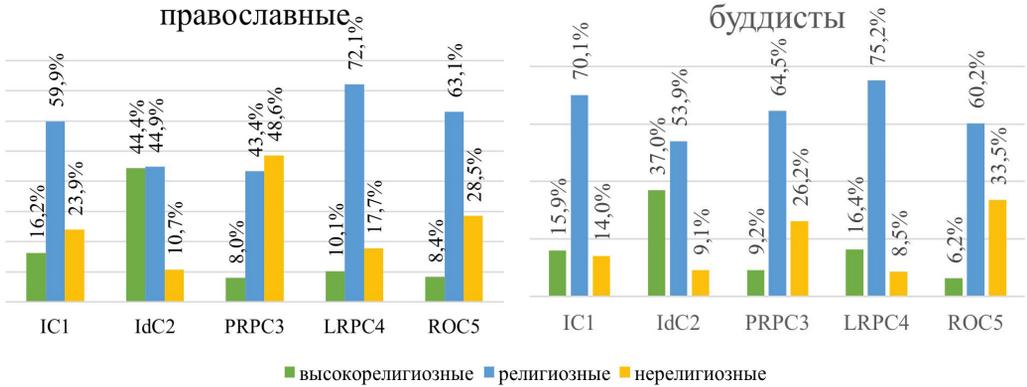
Далее рассмотрим выраженность компонентов религиозности в группах населения, дифференцированных по традиционным для регионов обследования религиям. Картина, полученная по итогам анализа конфессиональной самоидентификации опрошенных, вполне соответствовала актуальной этнической и конфессиональной мозаике трёх регионов. Так шаманизм, буддизм и синкретизм присущи глубинной культуре тувинцев, бурханизм – алтайцев, православие органично для русских.

В структуре религиозности высокорелигиозных православных выражено доминирует идеологический компонент веры, опирающийся на убежденность в существовании Бога (44,4%), на второй позиции – интеллектуальный компонент, связанный с познавательной активностью и в целом уровнем знаний по вопросам веры, далее – личные религиозные практики (10,1%) и в равной мере выраженные публичные религиозные практики и духовный опыт (около 8%). Для основной части умеренно религиозных православных доминируют личные религиозные практики – молитвы и обращение к высшей силе (72,1%), духовные переживания и религиозный опыт (63,1%) и лишь затем знание религиозных догматов (59,9%), вера в Бога, божественное (44,9%) и публичная демонстрация веры (43,4%). Что касается нерелигиозных православных Сибири, то в структуре их религиозности наиболее слабой стала публичная часть, внешние ритуалы, ассоциируемые с религией (48,6%), религиозный опыт (28,5%) и знание канонов веры (23,9%), а в большей степени выражены обращение к Богу, молитва, тяга в сверхъестественному (17,7%) и вера как таковая (10,7%) (илл. 4 слева).

Выраженность компонентов религиозности у высокорелигиозных буддистов несколько отличается от православных. Так, религиозность буддистов в высокой степени опирается на идеологическую составляющую – веру в божественное, потусторонний мир, перерождение и т.п. (37%), однако на втором месте – личные религиозные практики, медитации и молитвы (16,4%), информированность по вопросам веры и религии (15,9%) и, в меньшей степени, – публичное выражение веры, вовлеченность в религиозную общину (9,2%) и личный опыт столкновения с сакральным (6,2%).

В группе религиозных буддистов все пять компонентов религиозности выражены практически в равной мере – от 53,9% религиозных в рамках идеологического компонента до 75,2% – компонента, маркирующего распространённость личных религиозных практик. Нерелигиозные буддисты в меньшей степени сосредоточены в области личных религиозных переживаний (33,5%) и публичных религиозных

практик (26,2%), тогда как прочие компоненты несколько более выражены – то есть по данным компонентам они реже демонстрируют низкие показатели религиозности (менее 14%) (илл. 4 справа).

Илл. 4. Распределение результатов оценки компонентов религиозности в группах православных (слева) и буддистов (справа) опрошенных, %.

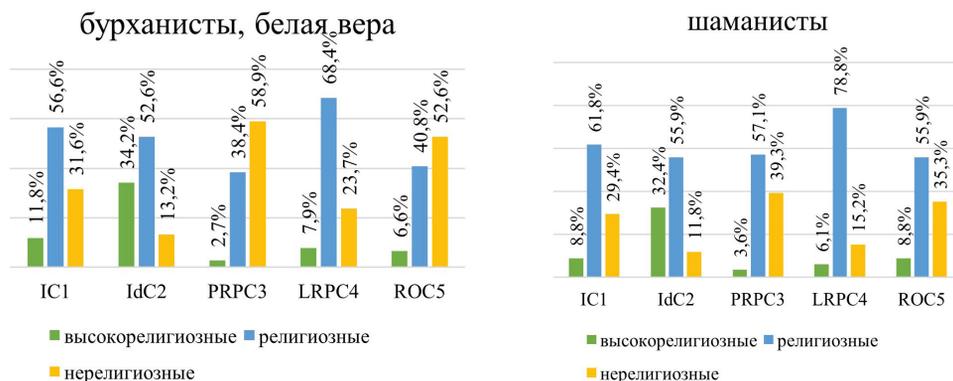
Идеологическая составляющая – доминанта религиозности бурханистов и последователей алтайской Белой веры – она опирается на сильную веру в божественное, духовное (34,2%), при этом у высокорелигиозной части бурханистов слабо представлен и интеллектуальный компонент религиозности (11,8%), и прочие составляющие (менее 8%).

Иным образом выражена религиозность умеренно религиозных последователей бурханизма – все компоненты представлены практически в равной мере с небольшим преобладанием личных религиозных практик (68,4%) и менее выраженными актами публичной демонстрации веры (38,4%).

Что касается нерелигиозных бурханистов (согласно индексу религиозности), то они в меньшей степени концентрируются на публичных религиозных практиках (58,9%) и личных духовных переживаниях (52,6%), а также скорее мало информированы по вопросам религии (31,6%), однако сохраняют веру в священное (13,2%) и обращаются к личным религиозным практикам (23,7%) (илл. 5 справа).

Религиозность высокорелигиозных шаманистов опирается на сильную веру (32,4%), тогда как прочие её компоненты не выражены более чем на уровне 8,8% у шаманистов, при этом публичная составляющая веры наименее выражена (3,6%). Религиозные шаманисты примерно в равной мере демонстрируют средние значения религиозности по всем её аспектам, тогда как их нерелигиозная часть в меньшей степени склонна к публичным религиозным практикам (39,3%), переживанию сакрального (35,3%) и мало информирована по вопросам веры (29,4%), вместе с тем её представители сохраняют уверенность в существовании богов, высшей силы (11,8%), практикуют молитвы и обращаются мысленно к богам (15,2%) (илл. 5 справа).

Схожи с буддистами в проявлениях религиозности и те жители, которые близки в равной мере к буддизму и шаманизму: для высокорелигиозных в этой группе характерно преобладание идеологической составляющей (33,3%), а все прочие компоненты существенно менее выражены – от 12,5% (интеллектуальный компонент) до 1,6% (публичные религиозные практики). У умеренно религиозных синкретистов в большей степени отражает религиозные чувства склонность к личным религиозным практикам (81,3%) и осведомлённость по вопросам веры (65,6%), а в меньшей – публичная демонстрация религиозной принадлежности (36,1%). Что касается нерелигиозных синкретистов, то они также редко обращаются к публичным религиозным практикам (62,3%) и редко переживают религиозные чувства (39,1%), однако сохраняют веру в сверхъестественное (12,7%), практикуют молитву и медитацию (12,5%) и владеют сведениями о ключевых принципах веры (21,9%) (илл. 6).

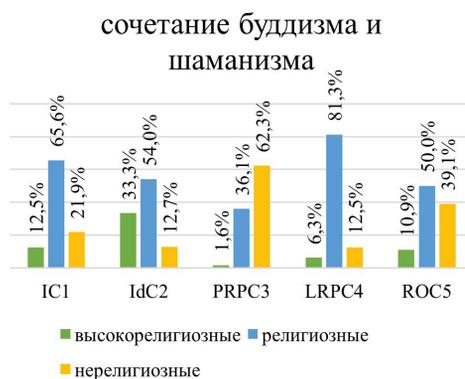

Илл. 5. Распределение результатов оценки компонентов религиозности в группах бурханистов, последователей белой веры (слева) и шаманистов (справа), %.

Итак, наиболее религиозные респонденты относятся к группам бурханистов (7,6%), православных и буддистов (более 5%), а приверженцы шаманизма в большей степени социально демонстративны и поверхностны в выражении религиозных воззрений, тогда как представители белой веры и православные ближе к принятию и выражению веры, среди них чаще встречаются те, для кого религия занимает центральное место в жизни.

В структуре религиозности высокорелигиозных православных выражено доминирует идеологический компонент веры, опирающийся на убежденность в существовании Бога, на второй позиции – интеллектуальный компонент, связанный с познавательной активностью и в целом уровнем знаний по вопросам веры. Выраженность компонентов религиозности у высокорелигиозных буддистов несколько отличается от православных. Так, религиозность буддистов в высокой степени опирается на идеологическую составляющую – веру в божественное, потусторонний мир, перерождение и т.п., однако на втором месте – личные религиозные практики, медитации и молитвы.

Идеологическая составляющая – доминанта религиозности бурханистов и последователей алтайской Белой веры – она опирается на сильную веру в божественное, духовное, при этом у высокорелигиозной части бурханистов слабо представлен и интеллектуальный компонент религиозности, и прочие составляющие. Аналогичным образом религиозность высокорелигиозных шаманистов также опирается на сильную веру, что сближает их с буддистами в проявлениях религиозности и теми жителями, которые равной мере близки к буддизму и шаманизму.

Илл. 6. Распределение результатов оценки компонентов религиозности в группе приверженцев синкретизма (буддизм плюс шаманизм), %.

Заключение

Как в рамках самовосприятия, так и по результатам проведённой оценки на основе тестовой шкалы CRS, население всех регионов российско-монгольского приграничья нельзя назвать строго нерелигиозным, более того, согласно личным оценкам респондентов, уровень вовлечённости жителей в сферу сакрального довольно высок, и респонденты ощущают себя вполне погружёнными в сферу религии и веры в целом. Вместе с тем оценки на основе Шкалы центральности религиозности маркируют скорее присутствие религиозных конструктов в сознании населения и в

системе его идентификаций, однако большинство из этих конструктов не являются психологически релевантными. То есть жители всех конфессий становятся верующими скорее «время от времени» [Хубер и Хубер, 2018]. Явное же присутствие в системе религиозных конструктов высокой религиозности согласно CRS, наиболее ярко выражено в группе исповедующих буддизм и шаманизм (или их сочетание) в Алтайском крае (10% высокорелигиозных), тогда как на территории традиционного распространения этих религиозных идей доля высокорелигиозных буддистов и шаманистов составила всего 3,4%. Видимо, отдаляясь от привычной обстановки и сохраняя традиционные религиозные воззрения, приверженцы этой религии стараются блюсти каноны веры, сохраняя религиозные воззрения. Нестрого говоря, доля высокорелигиозных верующих составляет около 10% населения трёх регионов, большая же часть населения – это «эпизодически» верующие. Любопытно, что шкала CRS, в отличие от самооценок жителей, чётко продемонстрировала объективное отсутствие конструктов, маркирующих высокую погружённость в вопросы религии и соответствующие практики в группе неверующих индивидов.

В личных представлениях верующие всех конфессий более склонны считать себя религиозными людьми, причём и высоко религиозными в том числе, что вполне закономерно, поскольку при самоидентификации каждый индивид выбирает, что лежит в основе его религиозности – религиозные практики, знание религиозных канонов, просто психологическое восприятие сакрального мира и так далее, а шкала CRS уравнивает, усредняет проявления религиозности, ориентируется на оценку в равной мере включённости и значимости для личности всех компонентов религиозности – как переживания религиозных чувств, так знания догматов и канонов веры, публичного и личного поведения в соответствии с религиозными предписаниями, внутренней духовной жизни, и так далее.

Резюмируя, заметим, что религиозность является неотъемлемой частью личностной и социальной идентификации населения современных приграничных регионов, вне зависимости от того, к какому религиозному направлению они себя относят и относят ли вообще. В широком смысле этого слова религиозность маркирует мысли о трансцендентном, разделении миров на сакральный и профанный, веру в божественную сущность (сущности) в целом, а не только и не столько знание основ религии и отправление культовых действий. Общей тенденцией её проявления во всех регионах и этноконфессиональных группах является умеренная выраженность, ориентация на личное восприятие и переживание религиозного, причём очевидно выражена склонность к поверхностной демонстрации религиозной принадлежности при низком уровне религиозности и свойственна всем этническим группам сибирского региона.

Выявленные особенности религиозности респондентов с разными формами религиозной самоидентификации и выраженностью религиозности описывают специфичные черты манифестации религиозных воззрений с общей тенденцией на секуляризацию сознания населения современного российского приграничья. Однако полученные знания очевидно недостаточны для понимания специфики приграничной зоны без изучения идентичных процессов и феноменов «по ту сторону» границы. Вследствие чего продолжение исследования видится, с одной стороны, в оценке выраженности религиозности у населения монгольских приграничных регионов, а с другой – в разработке научно обоснованных моделей, объясняющих взаимосвязь проявлений религиозности в кросс-культурном пространстве российско-монгольского порубежья.

Благодарность

Публикация подготовлена в рамках проекта РНФ № 24-48-03002 «Религиозные ландшафты российско-монгольского приграничья: институциональные и сетевые механизмы конструирования религиозной и этнической идентичностей и безопасности в условиях постсекулярной реальности».

Acknowledgement

The article was prepared as part of Russian Science Foundation project № 24-48-03002, “Religious landscapes of the Russian-Mongolian borderlands: institutional

and network mechanisms of construction of religious and ethnic identity and security in conditions of post-secular reality”.

Список сокращений

CRS – Шкала центральности религиозности
РНФ – Российский научный фонд
IC – интеллектуальный компонент религиозности
IdC – идеологический компонент религиозности
ROC – религиозный опыт
PRPC – публичные религиозные практики
LRPC – личные религиозные практик

Библиографический список

1. Афанасенко, И.В. Специфика индивидуальной религиозности и выражение самоактуализации у представителей разных конфессий (на примере православных христиан и иудаистов) / И.В. Афанасенко // Северо-Кавказский психологический вестник. – 2014. – № 12/1. – С. 10–13.
2. Богачёв, М.И. К вопросу о формировании интегрального подхода к концептуализации религиозности / М.И. Богачев // Свет Христов просвещает всех: альманах Свято-Филаретовского православно-христианского института. – 2016. – № 18. – С. 9–26.
3. Борисова, О.Н. Вариативность моделей современной городской многодетности: возрождение традиции, новые браки или сетевые эффекты? / О.Н. Борисова, И.В. Павлюткин // Мир России. – 2019. – № 4. – С. 128–151.
4. Бреская, О.Ю. Изучение религиозности: к необходимости интегрального подхода / О.Ю. Бреская // Социологические исследования. – 2011. – № 12. – С. 77–87.
5. Гришаева, Е.И. Религиозная идентичность как незавершённый проект. Перспективы применения дискурсивных подходов для социологического изучения идентичности в православных приходах / Е.И. Гришаева // Научный результат. Социология и управление. – 2018. – Т. 4. – № 1. – С. 13–22.
6. Грудина, Т.Н. Религиозность и её интерпретация: многообразие методов социологического измерения / Т.Н. Грудина // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. – 2022. – № 3. – С. 186–210.
7. Дивисенко, К.С. Социальное измерение религиозности: опыт эмпирического исследования / К.С. Дивисенко, О.А. Дивисенко // Петербургская социология сегодня. – № 8. – 2017. – С. 91–110.
8. Каргина, И.Г. Социологические рефлексии современного религиозного плюрализма / И.Г. Каргина. – М.: МГИМО – Университет, 2014. – 278 с.
9. Лебедев, С.Д. Социологическое измерение религиозности: к типологии основных подходов / С.Д. Лебедев // Социология и общество: традиции и инновации в социальном развитии регионов : Сборник докладов VI Всероссийского социологического конгресса, Тюмень, 14–16 октября 2020 года / Отв. редактор В.А. Мансуров. – Тюмень: Российское общество социологов, 2020. – С. 4962–4979.
10. Лобазова, О.Ф. Современная типология религиозности: исследовательские возможности / О.Ф. Лобазова // Евразийский союз ученых. – 2015. – № 1–1(18). – С. 94–96.
11. Мчедлов, М.П. Религиоведческие очерки. Религия в духовной и общественно-политической жизни современной России / М.П. Мчедлов. – М.: Научная книга, 2005. – 447 с.
12. Олпорт, Г. Становление личности. Избранное / Г. Олпорт; пер. с англ. Трубицыной Л.В., Леонтьева Д.А. / Под общ. ред. Леонтьева Д.А. – М.: Изд-во «Смысл», 2002. – 461 с.
13. Орешина, Д.А. «Партнёрский приход»: сотрудничество священнослужителей и мирян как фактор развития социальной деятельности в современных приходах Русской православной церкви / Д.А. Орешина // Вестник ПСТГУ. Серия I: Богословие. Философия. Религиоведение. – 2016. – Вып. 5 (67). – С. 99–120.
14. Орешина, Д.А. Изучение приходских общин в социологии: контексты исследования и основные подходы к концептуализации / Д.А. Орешина // Социология: 4М. – 2014. – № 39. – С. 99–126.
15. Подлесная, М.А. Особенности сетевого и нишевого подходов в изучении православного прихода в России и за рубежом / М.А. Подлесная // Вестник Института социологии. – 2014. – № 11. – С. 93–105.
16. Подлесная, М.А. Религиозная община в жизни инвалидов / М.А. Подлесная, В.В. Мельникова // Социологические исследования. – 2015. – № 10. – С. 145–151.

17. Пруцкова, Е.В. Связь религиозности и ценностно-нормативных показателей: фактор религиозной социализации / Е.В. Пруцкова // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 1: Богословие. Философия. – 2015. – № 3 (59). – С. 62–80.
18. Синелина, Ю.Ю. Циклы секуляризации в истории России. Социологический анализ: конец ХУП – начало ХХI века / Ю.Ю. Синелина. – Saarbrücken: LAP Lambert Academia Publishing, 2011. – 382 с.
19. Смирнов, М.Ю. Возможно ли отказаться от концепта религиозности при исследовании религий? / М.Ю. Смирнов // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. – 2015. – Т. 16. – № 2. – С. 145–153.
20. Титов, Р.С. Концепция индивидуальной религиозности Г. Олпорта: понятие религиозных ориентаций / Р.С. Титов // Культурно-историческая психология. – 2013. – № 1. – С. 2–9.
21. Фолкнер, Д. Религиозность в пяти измерениях: эмпирический анализ / Д.Д. Фолкнер, Г. Де Йонг // Социологические исследования. – 2011. – № 12. – С. 69–76.
22. Хлопкова, О.В. Трансформация подходов к исследованию религиозности в социальных науках / О.В. Хлопкова // Человек. Социум. Общество. – 2020. – № 2. – С. 122–130.
23. Хубер, Ш. Шкала центральности религиозности (CRS) / Ш. Хубер, О. Хубер; Пер. с англ. Е.В. Пруцковой, К.В. Маркина // Социология: методология, методы, математическое моделирование (Социология:4М). – 2018. – Т. 0. – № 47. – С. 144–171.
24. Чеснокова, В.Ф. Тесным путём: Процесс воцерковления населения России в конце ХХ века / В.Ф. Чеснокова. – М.: Академический Проект, 2005. – 304 с.
25. Шмелев, И.М. Понятие «религиозная личность» и классификация типов верующих людей в зарубежной и отечественной психологии / И.М. Шмелев // Сборники конференций НИЦ Социосфера. – 2012. – № 21. – С. 49–56.
26. Элбакян, Е.С. Динамика социальных функций религии и религиозности в период пандемии / Е.С. Элбакян // Религиоведение. – 2021. – № 3. – С. 104–117.
27. Bullard, G. The World's newest major religion: no religion [Электронный ресурс] / G. Bullard // The New York Times. April, 22. – 2016. – URL: <http://news.nationalgeographic.com/2016/04/160422-atheism-agnostic-secular-nones-rising-religion.html> (дата обращения 26.06.2024).
28. Davie, G. Is Europe an exceptional case? / G. Davie // The Hedgehog Review. – 2006. – Spring & Summer. – P. 23–34.
29. Glock, C.Y. On the study of religious commitment / C.Y. Glock // Religious Education. – 1962. – Vol. 57. – Sup. 4. – P. 98–110.
30. Glock, C.Y. Religion in sociological perspective: essays in the empirical study of religion / C.Y. Glock. – Belmont, CA: Wadsworth Publishing Co., 1973. – 316 p.
31. Glock, C.Y. On the study of religious commitment / C.Y. Glock // Religious Education, Research Supplement. – 1962. – Vol. 42. – P. 99–100.
32. Glock, Ch. The nature of religious commitment / Ch. Glock, R. Stark. – Berkley, 1968. – 246 p.
33. Hill, P.C. Measures of religiosity / P.C. Hill, R.W. Hood. – Birmingham, Alabama: Religious Education Press, 1999. – 631 p.
34. Holt, C.L. The religion-health connection among African Americans: what is the role of social capital? / C.L. Holt, E.M. Clark, M.Q. Wang et al. // Journal of Community & Applied Social Psychology. – 2014. – Vol. 25. – P. 1–18.
35. Hood, R.W. The psychology of religion: an empirical approach. Fourth Edition / R.W. Hood, P.C. Hill, B. Spilka. – New York, London: The Guilford Press, 2009. – 636 p.
36. Huber, S. Religiosität in unterschiedlichen Religionskulturen – Vergleiche auf der Basis der Centrality of Religiosity Scale / S. Huber, M. Ackert, H. Scheiblich // Cultura & Psyché. – 2020. – No. 1(1–2). – P. 171–185.
37. Joshanloo, M. Self-esteem mediates the relationship between spirituality and subjective well-being in Iran / M. Joshanloo, F. Daemi // International Journal of Psychology. 2015. – Vol. 50. – No. 2. – P. 115–120.
38. King, M.B. Measuring the religious variable: replication / M.B. King, R.A. Hunt // Journal for the Scientific Study of Religion. – 1972. – Vol. 11. – No. 3. – P. 240–251.
39. Lenski, G. The religious factor: a sociological study of religion's impact on politics, economics, and family life / G. Lenski. – Garden City, N.Y.: Doubleday, 1961. – 381 p.
40. Voas, D. Recognizing secular christians: toward and unexcluded middle in the study of religion / D. Voas, A. Day // The Arda Association of Religion Data Archives Guiding Paper Series. – 2010. – Vol. 50. – P. 115–120.
41. Zinnbauer, B.J. Religiousness and spirituality / B.J. Zinnbauer, K.I. Pargament // Handbook of the psychology of religion and spirituality / Eds.: Paloutzian R.F., Park C.L. – New York, London: Guilford Press, 2005. – P. 21–42.

Текст поступил в редакцию 31.03.2025.

Принят к печати 30.04.2025.

Опубликован 30.09.2025.

¹ Представленные в таблицах ниже распределения являются статистически достоверными. Анализ различий проводился с применением статистического критерия χ^2 Пирсона и однофакторного дисперсионного анализа с использованием апостериорного теста Дункана.

References

1. Afanasenko I.V. *Severo-Kavkazskij psihologicheskij vestnik* [orth Caucasian Psychological Bulletin]. 2014, no. 12/1, pp. 10–13 (in Russian).
2. Allport G. *Stanovlenie lichnosti. Izbrannoye* [The formation of a personality. Favorites]. Transl. by Trubicyna L.V., Leont'ev D.A.; Ed. by Leont'ev D.A. Moscow: "Smysl" Publ., 2002, 461 p. (in Russian).
3. Bogachyov M.I. *Svet Hristov prosveshchaet vsekh: al'manah Svyato-Filaretovskogo pravoslavno-hristianskogo instituta* [The Light of Christ enlightens all: The almanac of the St. Philaret Orthodox Christian Institute]. 2016, no. 18, pp. 9–26 (in Russian).
4. Borisova O.N., Pavlyutkin I.V. *Mir Rossii* [Russian World]. 2019, no. 4, pp. 128–151 (in Russian).
5. Breskaya O.Yu. *Sociologicheskie issledovaniya* [Sociological researches]. 2011, no. 12, pp. 77–87 (in Russian).
6. Bullard G. The World's newest major religion: no religion. *The New Your Times*. April, 22. 2016. Available at: <http://news.nationalgeographic.com/2016/04/160422-atheism-agnostic-secular-nones-rising-religion.html> (accessed on June 26, 2024).
7. Chesnokova V.F. *Tesnym putem: Process vocerkovleniya naseleniya Rossii v konce XX veka* [In a close way: The process of Church formation of the Russian population at the end of the XX century]. Moscow: Akademicheskij Proekt, 2005, 304 p. (in Russian).
8. Davie G. Is Europe an exceptional case? *The Hedgehog Review*. 2006, Spring & Summer, pp. 23–34.
9. Divisenko K.S., Divisenko O.A. *Peterburgskaya sociologiya segodnya* [St. Petersburg history today]. 2017, no. 8, pp. 91–110 (in Russian).
10. Elbakyan E.S. *Religiovedenie* [Study of religion]. 2021, no. 3, pp. 104–117. DOI: 10.22250/2072-8662.2021.2.104-117 (in Russian).
11. Folkner D., de Yong G. *Sociologicheskie issledovaniya* [Sociological reseraches]. 2011, no. 12, pp. 69–76 (in Russian).
12. Glock C.Y. On the study of religious commitment. *Religious Education*. 1962, vol. 57, no. 4, pp. 98–110.
13. Glock C.Y. On the study of religious commitment. *Religious Education, Researh Supplement*. 1962, vol. 42, pp. 99–100.
14. Glock C.Y. *Religion in sociological perspective: essays in the empirical study of religion*. Belmont, CA: Wadsworth Publishing Co., 1973, 316 p.
15. Glock Ch., Stark R. *The nature of religious commitment*. Berkley, 1968, 246 p.
16. Grishaeva E.I. *Nauchnyj rezul'tat. Sociologiya i upravlenie* [Scientific result. Sociology and management]. 2018, vol. 4, no. 1, pp. 13–22 (in Russian).
17. Grudina T.N. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18. Sociologiya i politologiya* [Bulletin of the Moscow University. Sociology and Psychology]. 2022, no. 3, pp. 186–210 (in Russian).
18. Hill P.C., Hood R.W. *Measures of religiosity*. Birmingham, Alabama: Religious Education Press, 1999, 631 p.
19. Hlopkova O.V. *Chelovek. Socium. Obshchestvo* [Human. Socium. Society]. 2020, no. 2, pp. 122–130 (in Russian).
20. Holt C.L. et al. The religion-health connection among African Americans: what is the role of social capital? *Journal of Community & Applied Social Psychology*. 2014, vol. 25, pp. 1–18.
21. Hood R.W., Hill P.C., Spilka B. *The psychology of religion: an empirical approach*. Fourth Edition. New York, London: The Guilford Press, 2009, 636 p.
22. Huber S., Ackert M., Scheiblich H. Religiosität in unterschiedlichen Religionskulturen – Vergleiche auf der Basis der Centrality of Religiosity Scale. *Cultura & Psyché*. 2020, no. 1(1-2), pp. 171–185 (in German).
23. Huber Sh., Huber O. *Sociologiya: metodologiya, metody, matematicheskoe modelirovanie (Sociologiya: 4M)* [Sociology: methodology, methods, mathematical modeling (Sociology:4M)]. 2018, vol. 0, no. 47, pp. 144–171 (in Russian).
24. Joshanloo M., Daemi F. Self-esteem mediates the relationship between spirituality and subjective well-being in Iran. *International Journal of Psychology*. 2015, vol. 50, no. 2, pp. 115–120.
25. Kargina I.G. *Sociologicheskie refleksii sovremennogo religioznogo plyuralizma* [Sociological reflections of modern Religious pluralism]. Moscow: MGIMO – Universitet, 2014, 278 p. (in Russian).
26. King M.B., Hunt R.A. Measuring the religious variable: replication. *Journal for the Scientific Study of Religion*. 1972, vol. 11, no. 3, pp. 240–251.
27. Lebedev S.D. *Sociologiya i obshchestvo: tradicii i innovacii v social'nom razvittii regionov: Sbornik dokladov VI Vserossijskogo sociologicheskogo kongressa, Tyumen', 14–16 oktyabrya 2020 goda* [Sociology and Society: traditions and innovations in the social development of regions: Collection of reports of the VI All-Russian Sociological Congress, Tyumen, October 14–16, 2020]. Ed. by V.A. Mansurov. Tyumen': Rossijskoe obshchestvo sociologov, 2020, pp. 4962–4979. DOI 10.19181/kongress.2020.584 (in Russian).
28. Lenski G. *The religious factor: a sociological study of religion's impact on politics, economics, and family life*. Garden City, N.Y.: Doubleday, 1961, 381 p.
29. Lobazova O.F. *Evrazijskij soyz uchenyh* [Eurasian Union of Scientists]. 2015, no. 1–1(18), pp. 94–96 (in Russian).

30. Mchedlov M.P. *Religiovedcheskie ocherki. Religiya v duhovnoj i obshchestvenno-politicheskoj zhizni sovremennoj Rossii* [Religious studies essays. Religion in the spiritual and socio-political life of modern Russia]. Moscow: Nauchnaya kniga, 2005, 447 p. (in Russian).
31. Oreshina D.A. *Sociologiya: 4M* [Sociology: 4M]. 2014, no. 39, pp. 99–126 (in Russian).
32. Oreshina D.A. *Vestnik PSTGU. Seriya I: Bogoslovie. Filosofiya. Religiovedenie*. [Bulletin of the PSU. Series I: Theology. Philosophy. Religious studies]. 2016, vol. 5 (67), pp. 99–120 (in Russian).
33. Podlesnaya M.A. *Vestnik Instituta sociologii* [Institute of Sociology Bulletin]. 2014, no. 11, pp. 93–105 (in Russian).
34. Podlesnaya M.A., Melnikova V.V. *Sociologicheskie issledovaniya* [Sociological reseraches]. 2015, no. 10, pp. 145–151 (in Russian).
35. Pruckova, E.V. *Vestnik Pravoslavnogo Svyato-Tihonovskogo gumanitarnogo universiteta. Seriya I: Bogoslovie. Filosofiya* [Bulletin of the Orthodox St. Tikhon's University for the Humanities. Series 1: Theology. Philosophy]. 2015, no. 3 (59), pp. 62–80 (in Russian).
36. Shmelev I.M. *Sborniki konferencij NIC Sociosfera* [Collections of conferences of the SIC Socio-sphere]. 2012, no. 21, pp. 49–56 (in Russian).
37. Sinelina Yu.Yu. *Cikly sekulyarizacii v istorii Rossii. Sociologicheskij analiz: konec XYII – nachalo XXI veka* [Cycles of secularization in the history of Russia. Sociological analysis: the end of the XYII – the beginning of the XXI century]. Saarbrücken: LAP Lambert Academia Publishing, 2011, 382 p. (in Russian).
38. Smirnov M.Yu. *Vestnik Russkoj hristianskoj gumanitarnoj akademii* [Bulletin of the Russian Christian Humanitarian Academy]. 2015, vol. 16, no. 2, pp. 145–153 (in Russian).
39. Titov R.S. *Kul'turno-istoricheskaya psihologiya* [Cultural and historical psychology]. 2013, no. 1, pp. 2–9 (in Russian).
40. Voas D., Day A. Recognizing secular Christians: toward and unexcluded middle in the study of religion. *The Arda Association of Religion Data Archives Guiding Paper Series*. 2010, vol. 50, pp. 115–120.
41. Zinnbauer B.J., Pargament K.I. Religiousness and spirituality. *Handbook of the psychology of religion and spirituality*. Eds.: Paloutzian R.F., Park C.L. New York, London: Guilford Press, 2005, pp. 21–42.

Submitted for publication: March 31, 2025.

Accepted for publication: April 30, 2025.

Published: September 30, 2025.